

Целыми днями измученный болезнью Иван Сергеевич Тургенев сидел в глубоком кожаном кресле возле распахнутого окна. Прислушивался к беззвучному птичьему щебетанию и с тоской вспоминал далекую Россию. Судя по всему, уже никогда ему ее не доведется увидеть. А ведь так хочется хоть на часок перенестись из парижского предместья домой, пройти по любимым московским улицам, еще раз вдохнуть сладкий воздух Отчизны! Взгляд старого писателя иногда останавливался на картине «Московский дворик», подаренной ему давним другом Василием Дмитриевичем Поленовым, и ностальгия на какое-то время вроде бы стихала...

В последний раз Тургенев побывал на родине в июне 1880-го. Хоть и тогда ему нездоровилось, он переборол себя: считал своим долгом участвовать в церемонии открытия в Москве памятника великому поэту земли русской Александру Сергеевичу Пушкину. А потом принял приглашение известного коллекционера Павла Михайловича Третьякова осмотреть его картинную галерею. Там-то Иван Сергеевич и увидел впервые это небольшое полотно.

Писатель сразу узнал церковь Спаса-на-Песках (позынее существующую. — Н. М.) с ее стройной, тянущейся в бездон-

ное летнее небо колокольней. Ведь по соседству с ней, вблизи Арбата, он когда-то «поселил» героев своего романа «Дым». Разве можно забыть

Василий ПОЛЕНОВ:

«Я тут же сел и написал его...»

долгие прогулки по старой Москве, во время которых рождались дорогие его сердцу образы! Сколько раз наблюдал он в те дни подобные сценки: на изумрудной траве посреди двора играют белоголовые ребята, женщина с ведром идет к колодезю, сонно отмахивается от мух запряженная в телегу лошадейка...

Безмятежным покоем веяло от холста, пронизанного утренним солнцем. Глаза отдыхали при взгляде на старый белый срубчик, покосившийся дровяной сарай, перевесившиеся через забор ветки яблони и кустов сирени, на всю эту незамысловатую картину, излучающую тепло, умиротворяющую любовь художника к родной стороне.

— Иван Сергеевич, хотите, я сделаю для вас ее авторское повторение! — спросил находившийся тут же Василий Дмитриевич Поленов. Тургенев, словно разбуженный, встрепенулся, оторвался от созерцания

полотна и признательно кивнул головой.

Вечером того же дня Иван Сергеевич, обрадованный встречей с художником, с которым познакомился за несколько лет до этого в Париже, жадно расспрашивал его, как создавалась эта замечательная картина.

...После окончания Петербургской академии художеств с большой золотой медалью молодой живописец Василий Поленов получил право на казенный счет поехать в длительную командировку за границу. Рисовал там полотна на библейские сюжеты, изображал на холсте сцены из западноевропейской истории, пробовал писать пейзажи Нормандии. И все чаще ловил себя на том, что чужая жизнь, прошлое чужих стран его не волнуют. Оттого, наверное, и картины из-под его кисти выходят какими-то холодными, рассудочными. Нет в них души, поэзии.

Возвращение художника на

родину ускорило письмо однокашника по академии Ильи Ефимовича Репина: «...вот увидишь сам, как заблестит перед тобой наша русская действительность, никем не изображенная. Как втянет тебя до мозга костей ее поэтическая правда, как станешь ты постигать ее да со всем жаром любви переносить на холст, так сам удивись тому, что получится перед твоими глазами, и сам первый насладишься своим произведением, а затем и все не будут перед ним зевать...»

Поселиться Поленов решил в Москве — подальше от холодной, чиновного Петербурга, от консервативной академии, чьи профессора когда-то ему твердили: художник должен выбирать возвышенные, «классические» сюжеты, уважающему себя мастеру не пристало опускаться до изображения жизни простых людей. А Василий Дмитриевич придерживался другой точки зрения: «...мой

талант всего ближе к пейзажному, бытовому жанру, которым я и займусь».

В поисках квартиры художник ходил по кривым арбат-

на передвижной выставке с чем-нибудь порядочным...»

Иначе оценили произведение Василия Дмитриевича его современники. «Когда «Московский дворик» был впервые выставлен, рядом с ним все это ды и пейзажи других художников казались черными, как клеенка, настолько много света, воздуха, жизнерадостности и правды в этой небольшой по размеру, но глубокой по содержанию картине», — писал известный мастер живописи В. Н. Бакшеев. А вот воспоминание художника И. С. Остроухова: «Одним из неожиданно больших праздников для меня было появление на передвижных выставках первых интимных пейзажей Поленова в самом конце семидесятых годов. Меня поразили исключительно «Московский дворик» и ряд других «тургеневских», интимных мотивов. Они явились мне неожиданно, свежо, проникнутые правдой, тонким музыкальным лиризмом и изящнейшей техникой...»

— А вот и кухня, — показала хозяйка.

Лишь из вежливости заглянул туда, подошел к окну и... застыл, очарованный: перед ним, как на ладони, предстал озаренный солнцем скромный дворик с виднеющейся за сараем белоснежной церквушкой. «Я тут же сел и написал его», — вспоминал впоследствии художник.

Посылая эту картину Ивану Николаевичу Крамскому, возглавлявшему знаменитое Товарищество передвижных художественных выставок, Поленов и сам еще не осознавал, что у него получилось: «К сожалению, я не имел времени сделать более значительной вещи, а мне хотелось выступить

Николай МУСИЕНКО.

Наследие
Правда. — 1994. — 4 экз.